

НА ЕДИНЕ С БУЛГАКОВЫМ

Наконец-то после Шолохова, Гоголя и Л. Толстого в эфире повезло и Булгакову: Олег Ефремов прочитал по радио главы из «Мастера и Маргариты». Читал взволнованно, празднично, увлеченно, в течение семи дней, в послеполуденные, как сказал бы автор романа, часы...

Конечно, булгаковскую эпопею и в десять передач не вместить; необходим был отбор. Сценарий В. Епифанова явно рассчитан на посвященных, поэтому он не следует строго сюжету и многим линиям в нем нет. Несколько раз в беглом упоминании возникает Понтий Пилат, заставив ждать продолжения, которого не будет, — главы с его участием не вошли в передачи. Герои, чьими именами назван роман, появятся однажды, в начале своей истории, до исчезновения Мастера. Представлен в основном мир булгаковской сатиры, от трагифарсовой истории Берлиоза и приключений в «нехорошей квартире» до финальных пожаров, учиненных Воландовой свитой в Москве.

Главы эти в романе — самые красочные и динамичные. Быть может, опасаясь чрезмерного буйства красок, трудного для восприятия на слух, режиссер Э. Верник задумал форму «литературных чтений», когда «исполнитель не разыгрывает отдельные образы, а слово в слово создает картину произведения». Артист при этом остался в эфире наедине с автором: нет ни музыки, ни «звуков жизни», ни выразительных пауз — никаких постановочных эффектов, на которые «провоцирует» этот роман. Одним лишь голосом предстояло передать многолюдье, обилие перемещений и превращений, чертовщину и обыденщину, возвышенную лирику и гротеск.

Поначалу все шло, как задумано, строго и без игры. О событиях на Патриарших прудах артист повествовал осторожно и сдержанно, будто сторонний наблюдатель, не слишком захваченный происходящим. Но постепенно сдержанность отступала, сокращалась дистанция, и Ефремов погружался в глубины романа с нарастающей силой и скоростью. Его вело за собой действие; мощный драматургический заряд булгаковской прозы взрывал корректную форму «чтений». Не разная эпическая основа романа, Ефремов выстраивал на ней свой театр Булгакова, видя в героях — ничего не поделаешь! — все же «отдельные образы», попросту — действующих лиц. Коровьев, Бегемот, в особенности Иван Бездомный оказывались лицами неожиданными и живыми, всякий со своим нравом, тоном, манерой речи. Театральная природа Ефремова не могла не отозваться на этот призыв к игре, заключенный в романе. Сцены описательные ему, как видно, были менее интересны (оттого и удались меньше), чем действенные, конфликтные, авантюрные. Сеанс черной магии в Варьете, к примеру, воссоздан так азартно и упоенно, словно рассказчик не только находился там, внутри, но еще и выстраивал всю эту фантазмагорию как режиссер.

Не стоит думать, впрочем, что передачи полны одним лицедейством, а исполнитель сливается с персонажами. Момент оценки, активного отношения к происходящему ощущим в постоянном налете иронии, в резких акцентах, вообще свойственных ефремовской речи. Кроме того, чувство автора достаточно сильно в нем и может отозваться на разное.

В самый разгар бесовской вакханалии нас поджидает нечто простое и сокровенное — передача пятая, «Явление героя». История Мастера — его рукописи, его любви и его болезни — рассказана драматично и страстно, но приглушенно, с целомудренной сдержанностью, с той «интеллигентностью тона», которая вновь и вновь заставляет сокрушаться о несыгранных чеховских ролях Ефремова. И заодно — о неп прочитанных главах с Пила-

том, что так «идут» к его низкому, благородного звучания голосу. Чувство автора, вероятно, подсказало бы ему и тут необходимые тональность и ритм и осуществилась бы режиссерская идея богатой и строгой картины, фрески, для которой именно эти главы нужны...

В самой композиции передач есть какой-то стратегический просчет. Представьте себе, и примеру, что вы слушаете по радио «Войну и мир» не просто с естественными купюрами, но только одну линию из двух неразъемных — или войну, или мир. Сложится ли у вас целостное впечатление от романа? Смогут ли самые опытные исполнители проникнуться духом толстовской прозы при столь решительной ампутации? Точно так же не стоило, думается (в чтении, не на сцене), разнимать книгу Булгакова на линии Воланда, Маргариты или Пилата — слишком велика сила сцепления этих линий в сложном единстве романа.

В романе Булгакова очень важны контрасты. Как бы ни держал артист в уме отсеченные линии, для слушателей их нет. Стало быть, нет и противовеса той игровой стихии, что и в самом тексте порой нарастает, кажется, до предела, а в чтении Ефремова звучит с какой-то отчаянной удалью. И — парадокс, но сила впечатления начинает ослабевать. Всего слишком много, и в густоте подробностей иногда вязнет энергия действия; хочется более свободного пространства, разреженного воздуха. Не такие уж большие передачи (на час каждая) из-за своей перенасыщенности кажутся длинными, за что ответственные все создатели — сценарист, режиссер, исполнитель, он же — автор «булгаковской идеи», предложивший ее лет девять назад. (Зачем нужно было так долго ждать, объяснить трудно. К 80-м годам роман Булгакова был уже не раз издан, исследован, поставлен на сцене, прочитан с эстрады... Видно, у разных ведомств в искусстве — свое исчисление времени).

Почему, однако, Ефремов согласился на столь урезанный вариант? Не потому ли, что жаждался и обрадовался хоть такому решению («...сразу задрожало сердце», — признается он в интервью)? Или нетерпение вызвано обострением вдруг его тягой к Булгакову — одному из главных авторов Художественного театра? Известно ведь, что вслед за «чтениями» Ефремов собирается играть во МХАТе булгаковского же Мольера.

Мы вступили в сферу предположений, где даже выбор сатирических глав может найти себе объяснение. Жажда сатиры, видимо, дремлет в Ефремове и пробуждается в ситуациях особенно трудных. Так, напряжение первых мхатовских сезонов разрешилось «Старым Новым годом» по пьесе Михаила Роцина, а драматичный недавний «раздел» театра — его же «Перламутровой Зинаидой». Вероятно, Ефремову хотелось поставить нечто в жанре трагического абсурда. В спектакле, на мой взгляд, это не очень получилось, но с лихвой осуществилось в чтении булгаковского романа.

Энергия этих чтений явно творческая, а не та, что расточается сегодня вокруг искусства. На радио Ефремова привела, как видно, та же художническая потребность, что и других его сверхзанятых коллег — Смоктуновского или Ульянова, непонятно где бравших время и силы для чтения поэтических циклов и эпопей. Только за Ефремовым мы почему-то этой потребности не признаем; ищем в нем строителя театра, за все и за всех ответственного, и часто забываем художника.

А художник жив, натура бунтует, требует своего, взыскует искусства, не одних же реформ и дискуссий. Потребность Ефремова в прямом контакте с литературой, в прошедших «чтениях» вряд ли удовлетворилась вполне; хотелось бы и нам продолжения. Насколько известно, так и свершится...

Т. ШАХ-АЗИЗОВА.